

А л ё н а Т а й х

УРОКИ ЛЕПКИ

А л ё н а Т а й х

У р о к и л е п к и

Стихи

«Визант»
Киев – 1998

Алёна Тайх. *Уроки лепки*

**Библиотека журнала
«Византийский ангел»**

В первую книгу молодой поэтессы, ныне проживающей в Баден-Бадене (Германия), вошли лирические стихотворения, посвященные городу Киеву, где она когда-то жила, переживаниям эмигранта, а также стихи о любви. Манера письма А. Тайх конкретна и формально строга.

ISBN 966-7041-38-7

© Алёна Тайх, 1998

#

Не вылепить из глины ни моря, ни кувшина.
Закатный теплый свет преломится в стекле
И хрустнет, как сустав. Отмерить три аршина,
На подоконник встав, оставить на столе,
В зеленоватой мгле квадрата-колодца
Жилища, где собой за каждый день плати...
Комочек тишины, распутицы, болотца,
Бессилие мое во глиняной плоти.

И, посмотрев на склон в гривастых кронах рыжих,
Обратно поспешить к столу, пока жива
И мнётся в пальцах, и (но это мнится) дышит
Спрессованная пыль, истлевшая трава...
Неумной пятернёй расплющенная лягва
Отчаяньем моим уже воскрешена
И поднята. И вновь поделенная на два
Из уст моих сейчас получит имена.

Диссидент

В эту зиму ему не хотелось в тюрьму.
Снег ласкался к высоким московским палатам
И заплевывал лоб. Кто-то близкий ему
Говорил, мол, забьют... И смотрел виновато:
Мол, ничто не спасти, не помочь никому...
И ни денег, ни славы -
Какой? Герострата...
Фонари пробивали морозную тьму.
А Москва многолюдна, Москва торовата!
Сколько их, кто придет провожать по уму?

То ли зонда змея, то ли сульфы укол...
Все-то мнятся кошмары казенного дома.
В эту зиму ему так хотелось за стол,
Пусть не с ней, не с друзьями, хотя бы к знакомым,
Чтобы слышать с порога: Смотри, кто пришел!
О! Богато живете! Хоромы - хоромы!
Ты смотри, какой взрослый! В седьмой перешел?
Начинающий бас: а мы разве знакомы?

Нет. Едва ли. Я редко входил в этот дом,
Чтоб отца твоего не ломали расправой,
Чтобы не узнавать с сожаленьем потом
Там... еще об одном побежденном державой,

Алёна Тайх. *Уроки лепки*

Но, когда где-нибудь, в девяносто втором,
От все той же тоскливой, бесчестной, кровавой,
Злясь и скотски устав, оттолкнешься плечом,
Ты поймешь, как мой взгляд намагничивал ржавой,
Мокрой жести кусок под тюремным окном.

#

Кожевник из лоскутьев шил нам мяч,
А плотник для ворот готовил жерди,
Палач спросил: "А что такое плач?"
И сразу стал понятен грозной жертве,
А булочник ему принес калач.

Вы улыбнулись - дескать, чепуха,
Но чашку с чаем ставите на блюде.
Мы знаем слишком мало о грехах,
Так почему бы нам не улыбнуться,
Хотя бы в глупых ласковых стихах?

Мы не сжимаем плечи в холода,
Не ожидаем нового удара.
Пушкой течёт креплёная вода
С небес, где прохудилась стеклотара...
Одна беда - какая там беда!

Обида? Но обиды нипочем,

Есть только ласка очага и кровя.
Играйте сшитым наскоро мячом
В простые игры, кроме выбивного,
И наслаждайтесь свежим калачом.

#

Воробьиною ночь не прогонишь за ставень,
Не согреешься в прочь ускользящем сне,
Только всхлипы дождя, только шорохов стаи,
Только сжатие губ: крепче, горше, тесней.

А в пространстве сыром не по-детски жестокий
Спит до первой побудки подошв и колес
Город темных аллей, мокрых лавок и стекол,
И уставших людей, и плохих папирос.

Приникают к земле и темнеют громады,
Так беспомощны... Господи, чем им помочь?
Не тянись, не моги... Мы здесь только номады.
Нет предвиденья нам в воробьиною ночь.

Завтра будет дорога и чай из "Титана",
И плацкарты дешевый, непрочный уют.
В этом долгом кочевье я скоро устану,
А устав и смирившись, возьму, что дают:

Колеи лоскуты беспокойной и дымной...
И мелькание шпал с шепотком "не греши",
И кусочек земли, слишком странноприимной,
Чтобы верить, что это тебе от души.

Так сомкнись над постелью, сожмись и - ни слова -
Ни себе, ни судьбе, что не в силе твоей,
Город ласковой речи и окон медовых,
Город поздних визитов и ранних смертей.

#

Я сама подумала об этом...
Что теперь мне делать с влажным словом?
То ли красть коринку у поэта,
То ли толковать тихонько снова:

Град молочный, ветер склочный, тучи...
Винный град, расплавленный в стакане,
Каменный, куда занес нас случай, -
За окном в предутреннем тумане.

Ласточкой глоток - и снова жажда.
Ласковый намёк - и всплеск по новой...
Уходя, в прихожей вспомнит каждый
Самое несказанное слово.

Мир передо всеми виноватый,
Где опала чаще, чем награда,
Где виток лозы замысловатый
Помнит лишь чугуи одной ограды.

Ласточкой глоток - утихни, жажда.
Пью за тех, кто жил в рассветном граде,
Пью за тех, кто выжил здесь однажды,
Не убит, не пытан, не украден

Ласковой чужбиной. Пью во здравье...
А за упокой? Молчи - ни слова!
Здесь, где скинет век покров тщеславья
Перед тенью гения былого.

#

Тяжелые: масло полотен в музеях,
Каналов вода...
Мне кажется, я и во сне не посмею
Вернуться сюда:
Где перекричало усталость предела
Дневное "спеши",
Где не сохраниться инакостью тела
И скорбью души.

#

А город в тоску-несвободу,
Как трещину, реку впустил.
Два берега бросились в воду,
Огни зажимая в горсти,

Боясь запятнать эту темень,
Где с вдохом, расправясь на треть,
Бессонная ночь свое темя
Уперла в холодную твердь.

Но ей, долговязой, мешала
Безветренная тюрьма.
И чувство неловкости вжало,
Как головы в плечи, дома

В холмы и прибрежные дебри,
Где тихо, баюкая страх,
Свой шабаш не ведьмы, а вербы
Справляют на Лысых горах.

Где смяты и сдавленны травы,
Где контур массива размыт -
Два берега. Видишь: мой Правый
Темней и печальней глядит.

Два струпа - подсохшая рана.
Два края друг к другу... Но нет!
Потом через час будет рано

Алёна Тайх. *Уроки лепки*

Тревожить короткий рассвет.

Два брата поспорены девой,

И слиты в единой слезе

Два духа. Послушай, твой Левый

Сегодня не ноет к грозе?

#

Какая усталая, милая, пресная влага
Течет по лицу, притворяясь, что это бумага,
А ты сомневаешься: это ли необходимо -
Оставить нам простенький росчерк дождя-пилигрима.

Нам Дарница дарится (как не сказать "отдаётся")
И варится так благородно, что диву даётся
Клошар, пробудившийся в сквере, застав на полянке
Раздачу похлебки в пустые консервные банки.

А город с тугим карусельным вращается шумом.
Он шелков, как шок парашютный,
он шутит как Шульман.

И в рытвинах неба, в корытах, кипящих бурливо,
Июльских простынок наив в ожиданье отлива.

Просеется ливень, редая, и, выйдя наружу,
Светило негордое сядет в просторную лужу.
А ты усмехаешься: не проведешь на мякине...
Но город покинет тебя, слишком скоро покинет.

#

Сожмись до точки, Прорезная,
Свернись, хорошая, в комок.
Прошла гроза, и я не знаю,
Кто уцелел, а кто промок.

Мне жаль прохожего ночного
И потрясённую листву.
Я не хочу хотеть земного
И не противлюсь естеству.

Я стала взрослой - мне простится
Произнесенное в тоске:
Хочу уйти, развоплотиться,
Оставить тело на песке.

Я и в других пределах, каюсь,
Потери не перенесу...
Но лучше просто затеряюсь
В толпе. Впотьмах. Или в лесу.

И, переждав молву и морок,
Я вновь покину этот лес,
И выберу планету, город,
Судьбу и улицы порез.

#

Прости меня, котлетный дух,
И стук прихлопнутой калитки.
И зол, как водится, в избытке,
Но выбрать меньшее из двух
Поможет мне (когда не слеп)
Веселый чертик сумасбродства
И, как похлёбка первородства,
Несладкий превосходства хлеб.

#

Электричка-истеричка,
Что ты мчишься по весне,
Это гнусная привычка -
Разговаривать во сне.

Душно ночью, майской ночью?
Так ослабь конец строки!
Прибегая к многоточью,
Не солги, но сбереги

Этот жаркий, горький воздух,
Расчлененный на глотки...
Мы тот жадный, долгий возглас
Принимаем за гудки.

#

Умирают дома. И приходят в упадок кварталы.
Тальм снегом, качелями, шелестом жухлой листвы
Набиваешь карманы и чувствуешь - этого мало:
Надо что-то припрятать, припомнить...Но память -
увы...

Умирают дома не без звона стекла и металла.
Под напутственный гомон друзей и пытливой родни.
Ты уходишь в далёко и чувствуешь - легче не стало,
Только время услужливо смяло и спутало дни.

Ты уходишь, колеблешься, плащ надеваешь на плечи,
И теряешь, верней, не хранишь путеводную нить.
И приходишь ко мне, и мы - вместе, но снова не легче
Ты же видишь, что я ничего не могу изменить.

Ты же видишь, что я не владею кошачьей повадкой...
Там, где дарницких пленных широкий погост без
могил,
Где с оврагом соседствуют серо-кирпичный грядки,
Пепелище, и след - если хочешь, потрогай - простыл...

#

Мы пришли к Рюбецалю, мы в лапах его, на весу,
На ветру, от которого, думали, что убегаем...
Все сверкающе прибрано в черном холмистом лесу
И дивится зверушке без шкурки: Oh, Schande! Нагая.

Плачут волки в кустах; им, воспетым, слова не нужны,
И дриады подходят, глядят удивлённо и сонно.
Предрождественских елей пушистые лапы нежны.
Но встречаются души сестер у ворот пансиона:

Там, в прихожей, усталость сменяется чувством тепла,
Пахнет жареным луком заманчиво и домовито...
Рюбецалевы слуги отводят меня от котла,
От живого огня и взамен придвигают корыто.

Черепичная рябь, безотчетная мелкая дрожь,
Скорый поезд пройдет –
и пространство по-прежнему глухо.

Надо к насыпи, если, конечно, дорогу найдешь,
Так проси же об этом угрюмого горного духа.

#

Опять спешит ездук, хотя никто не тронет,
Затасканный романс мурлычущий под нос.
Сиреневый туман осядет на перроне.
Еще на посошок? - Давай, коли принес...

Уходишь налегке, прощаясь и прощая
(О если бы при том еще и не любя!)
А полночь подойдет, колесами вращая,
И лесенку к земле откроют для тебя.

Куда как не спешат притихшие куранты.
Все заняты своим: дела у торгаша,
Бастуют горняки, тоскуют эмигранты,
Смирненно ждет гроша заблудшая душа.

Опять ты о своей, бессильной и великой? -
Не знаю, кто велик, а только я о той
Звезде. Гори звезда над лязгающим стыком
Вонючего тепла с морозной пустотой.

Гори, моя звезда. А что тебе осталось...
Зигзаги поездов да очертанья крон,
Усталость ли твоя, забытая ли малость,
"Сиреневый туман", оставленный перрон.

Не-Хоку

И осеняют этот мир безгрешный
Серебряные крылышки Lueft Hansa.
Слезятся огоньки бензозаправок.

Не-Сонеты

* * *

Не спеши. Не бойся. Не грози.
Не в причинно-следственной связи,
Не в связи, порочащей, со словом
Ночь пришла. Она гремит засовом,
Проверяет все ли на мази...

Здесь живут, такие же как ты,
Гении, мещане и скоты.
Просто отторжение - постепенно:
По преодолении ступеней
Видишь те же самые черты -
Слишком узнаваемы, похожи
Встреча и неяркий свет в прихожей
Пожилой четы, глядящей зыбко
И младенца с ласковой улыбкой.

* * *

Бери варенье, - говорят, - кизил...
И в честь твою включают телевизор.
Полупустой и престарелый ЗИЛ,
Как ревизор сей жизни и провизор,
Гудит размороженным нутром.

Младенец спит. Родители устали,

А лёна Тайх. *Уроки лепки*

Но все в подобных стенах вырастали,
И все считали крепостью свой дом.

По улицам брести пустым и сонным.
В дождливом беспределе законном.
Не хочется. Темно и ветер свеж.

Но стекла осыпаются со звоном -
Пространство по неведомым законам
Во времени заделывает брешь.

* * *

Не обижай неверием собрата.
И он не сторож брату своему,
И он несет холщовую суму.
И так же вечен. То есть был когда-то,
А бранным стал. Он так же тонкокож.
И говорит, что презирает ложь,
И забывает близких телефоны,
И те дома, в которые не вхож,
Спокойно объявляет вне закона.

Он свой, родной... Веди его к себе.
Корми его и утешай. Судьбе
В тебе угодно попытать удачи,
Найти жилетку мокрую от слез
И обделить неверьем при раздаче...

#

Водяные знаки сплетаются
На стекле, разбирать не хочется...
Серый день, и сумерек таинство
Беззаветнее одиночества.

Я немного ищу содружества,
Но уже не надеюсь на тождество,
Дай мне только немного мужества
Пересилить мое никтожество,

Пересилить... Но знаки множатся.
Тень моя на стене склоняется,
А ребенок рисует рожицы,
Эти рожицы улыбаются.

#

Заплачешь - не стану тебя утешать,
Апрельская немочь дня,
Дрожание шерстки древесных мышат,
Наполнено для меня
Не смыслом, а тем, что и есть благодать
И что обретаем, даря,
Когда бесполезная влага дат
Стекает с календаря.

#

Вот так всегда с любовями.
Приходит время сказать:
"Мне от тебя ничего не нужно".
И он понимает,
Что мне ничего не нужно,
Но как-то... С другим знаком.

Вот так всегда с любимыми.

Это лучший подарок,
Из всех, что когда-либо делала.
А приходится еще оправдываться.
И смотреть покаянно. И знать,
Что все не так будет понято...

#

И хочется выжить, да вряд ли...
Какой утомительный труд.
Ты речке-Синичке не брат ли,
Мой омут с чертями, мой пруд?

Не брат? Вот и славно, но словно,
Забыв свой немецкий исток,
"Виновна! Виновна! Виновна!" -
Сочится из сломанных строк,

И окон слепящая стая
Врывается в водный проем,
И город, грозя, вырастает
В разъятом сознание моем,

Как в зеркале битом. Он зорко
Меня выбирает вдали.
Я что тебе мальчик для порки?
Гаси фонари, не дури!

Постой! Погоди, ещё рано
Из толстых вычеркивать смет,
Но ласково смотрит и странно
В начавшихся сумерках Смерть.

#

Зажать ладонью рот...
Кому? Да подсознанию!
Насилию дивясь,
Пускай передохнет,
Пока потянет ночь
За нить свое вязанье,
Распустит и вздохнет.
Зажать ладонью рот

За все, что было в нём:
Густом и неглубоком.
Пускай же помолчит
Хотя бы полчаса,
Пока рассвет глядит
Невыспавшимся оком
В нетрезвое стекло,
И блекнут небеса.

Потом пестреет шум,
Как куртка арлекина,
И можно отпустить
Себя на правый суд,
Поскольку мякиш слов
Ещё не та мякина,
На коей провели...
Проводят. Проведут.

#

Тихотворение мое немое...
И. Бродский.

И снова осень. Надо браться
За дело. Хочется домой,
Но я не помню адрес мой.
Падеж, затерянный в пространстве,
Падёж кленового листа...
А ты не так уж и проста,
Тоска. В своем ли постоянстве,
В своем ли, матушка, уме,
Который, впрочем, лишь помеха,
За невозможностью приме-
Нения. Мне не до смеха.
Мне очень хочется уехать,
Но это было... Это есть,
Не то, чтоб сильно сбита спесь,
А так... Немного пооббита:
Не просишь новое корыто,
Сидишь над тем, какое есть.
Но просишь сил.
И хочешь слышать
Сквозь трески радиопомех
И не эфирный, грубый смех
И полуплач (последний - тише)...
И хочешь слышать сразу всех,
Что тоже - несомненно - грех,
Который нам простится свыше.

#

Мы - толчками ступеней, степенней, спокойней -
К тем же лицам, упрёкам, урокам любви.
Мы не рядом, меж нами пространство - рукой не
Дотянуться. Прощай, будь же счастлив, живи...

Снова небо наплывами - в мокрые кроны
Кленов и тополей. Все узнав наперед,
Я - уже добровольно - глупее вороны,
Что за доброе слово свой сыр отдает.

Из запятнанных лицами, дышащих залов
На подмостки нас, точно швырками на холст.
Время пыльных акаций, вакаций, вокзалов
Отошло, и остались нам грозы захлест.

Но с ладоней и лиц не смывается скверна.
И на ноте одной в городской тишине
Нет, не Марсия флейта звучит, - Гильденстерна...
Не играйте. Не надо! Уж лучше на мне.

Как не хочется снова, не ведая броду,
В перепады словес, в замутненную речь,
Мы без племени-рода. Нам нет перевода.
И исхода нам нет. И не стоит беречь!

#

«Никаких земель не открыть вдвоем!»
Знать, не надо мне никаких земель.
Что, земля? Выйдем на окоем
Океана? Сядем вдвоем на мель,

Посидим, покуривая пока,
И в термометре отрясая ртуть,
Подождем попутного ветерка,
Если только ему суждено подуть.

Там на суше торжественный ход жлобствá,
Мором - снисходительность дураков...
Маячок незримый - фиал родства
У чужих презрительных берегов,

Где никто не знает, как мил наш бот,
Защитивший речь и не давший течь.
Мир благословенных дневных забот
И под небом тяжким согбенных плеч.

С о д е р ж а н и е

Не вылепить из глины ни моря, ни кувшина.....	3
Диссидент.....	4
Кожевник из лоскутьев шил нам мяч.....	6
Воробьиною ночь не прогонишь за ставень.....	7
Я сама подумала об этом.....	8
Тяжелые: масло полотен в музеях.....	9
А город в тоску-несвободу.....	10
Какая усталая, милая, пресная влага.....	12
Сожмись до точки, Прорезная.....	13
Прости меня, котлетный дух.....	14
Электричка-истеричка.....	15
Умирают дома. И приходят в упадок.....	16
Мы пришли к Рюбецалю, мы в лапах его.....	17
Опять спешит ездок, хотя никто не тронет.....	18
Не-Хоку.....	19
Не-Сонеты	
Не спеши. Не бойся. Не грози.....	20
Бери варенье, - говорят, - кизил.....	20
Не обижай неверием собрата.....	21
Водяные знаки сплетаются.....	22
Заплачешь - не стану тебя утешать.....	23
Вот так всегда с любовями.....	24
И хочется выжить, да вряд ли.....	25
Зажать ладонью рот.....	26
И снова осень. Надо браться.....	27
Мы - толчками ступеней, степенней.....	28
«Никаких земель не открыть вдвоем».....	29

А лёна Тайх. *Уроки лепки*

Глона Якiвна Тайх

Уроки лiплення

Вiршi

Редактор **Г. П. Кручик**

Технiчний редактор **В. Г. Антонов**

Коректор **Р. З. Самусь**

Пiдписано до друку 15.05.98. Формат 84 x 108/32.

Гарнiтура таймс. Папiр офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк.2,6. Тираж 250 примiрн. Зам N

Видавництво «Вiзанти». 254211 Киiв-211, а\с 827

Фiрма «Вiпол». Киiв, вул Волинська, 60.

Адрес автора:

A. Teich

LangeStr 144

76530 Baden-Baden

Deutschland

tel.: 8-1049-7221-51028

В библиотеке журнала «Византийский ангел» вышли следующие книги.

В 1995 году:

- Эмиль ВЕРХАРН «Рембрант» искусствоведческое эссе
- Борис ШТЕРН «Приключения инспектора Бел Амора» юмористическая фантастика
- Юрий МИНЕРАЛОВ «Красный иноходец» стихи

В 1996 году:

- Игорь МАМУШЕВ «Дни пилигрима» стихи
- С. Н. РУССОВА «Фрагменты анализа поэтического текста» литературоведческие статьи
- I. КРУЧИК «Жага художьного тексту» рецензії, есеї, інтерв'ю
- Юрий САДОВСКИЙ «Лишь предельное важно» песни, романсы, стихи

В 1997 году:

- Сергей ЩУЧЕНКО «Ритуалы обыденности» стихи
- Женя ЧУПРИНА «Сочинения» стихи
- Игорь ПИЛЯЕВ «Гражданская война» книга стихов
- Марина ИВЧЕНКО «Игра в начало» стихи
- Ким СУК ВОН «Шевченко и корейская литература» монография

В 1998 году:

- Александра СОЛДАТЕНКО «Рисую картину» стихотворения
- Наталья БЕЛЬЧЕНКО «Транзит» стихотворения
- Любовь СЕРЬЕЗНАЯ «Адераида» поэма
- Любовь СЕРЬЕЗНАЯ «Следы Протея» стихотворения
- Алёна ТАЙХ «Уроки лепки» стихи

